

**ЗАДОРИН
ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ**

руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН

ДОЛГОСРОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ — УДЕЛ РАЗУМНОГО И СВОБОДНОГО СУБЪЕКТА

*Чтобы видеть дальше, надо подняться выше.
Древняя китайская поговорка*

Коллеги моего поколения и старше, учившие в свое время «марксистско-ленинскую философию»TM, наверняка должны помнить известную фразу Маркса, в которой он сравнивает пчелу, строящую соты (довольно сложные конструкции!) и наполняющую их медом, и человека, архитектора. Цитирую: «...и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имеется в представлении человека, то есть идеально»¹. Иными словами, Маркс фиксирует возможность представления будущего как одно из главных свойств человека, отличающего его от других животных, человек способен осуществлять действия на основе некоторого **образа будущего**, а не только согласно рефлексу, инстинкту или аффекту. А разумный человек (*homo sapiens* в буквальном смысле) вообще прежде, чем что-либо делать, ставит (осмысляет) цель, строит план по ее достижению, прогнозирует результаты своих действий и прочие возможные последствия.

В этом смысле наличие/отсутствие у индивида образа будущего, а также жизненных целей, планов, стратегий пусть даже в самом простом их виде является одним из важнейших критериев его развитости (состоятельности) как человека и его субъектности.

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Глава 5. URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-05.html>.

Указанные образы и планы как умозрительные (идеальные) конструкции помимо прочего характеризуются, как мне кажется, двумя основными свойствами-качествами. Во-первых, степенью **рационализации (осмысленности, обоснованности)**, в соответствии с которой различаются мечты, «хотелки», vision, стратегии, «прожекты» и действительно планы с оценкой требуемых ресурсов и вероятности осуществления. Во-вторых, **горизонтом планирования** («временем упреждения»), то есть диапазоном времени, на который простирается взгляд в будущее, — короткий (близкий) или длинный (далекий, долгосрочный).

Чем выше рационализация (осмысленность) образа будущего и обоснованность соответствующей жизненной стратегии, и чем более далеким является горизонт планирования, тем более устойчив человек при всех жизненных коллизиях, менее тревожен, более удовлетворен жизнью и по большому счету имеет больше шансов на то, чтобы состояться в качестве Субъекта в мире, изо всех сил старающемся лишить его самости и самостоятельности, подчинить, сделать еще более зависимым.

Чем более распространены в обществе представления о будущем именно такого — рационализированного и долгосрочного — типа, тем общество имеет больше шансов на **устойчивое развитие**, ибо рационализированные (осознанные, осмысленные) образы будущего и длинные «типовые» жизненные стратегии способствуют коммуникации между людьми и согласованию общей картины мира («будущее скорее всего будет таким-то потому-то»), а значит, складыванию норм, общих ценностей, заданию **общих целей** и солидаризации (единению) на их базе.

Конечно, и образы будущего, основанные на аффектах, эмоциях, сильных и глубоких переживаниях (особенно травматических) и даже мистическом опыте, также могут выступать основой для коммуникации, солидаризации и коллективных действий, но, как правило, краткосрочных. А долгосрочной и устойчивой солидаризацию делает, похоже, только рационализация указанных переживаний и мистических озарений, их, если можно так выразиться, осмысленная «унификация», то есть обобщение индивидуального чувственного опыта и оформление его в универсалиях.

Исходя из сказанного понятно, почему фиксируемое в исследованиях последних лет сокращение горизонта жизненного планирования (до 1—1,5 лет в среднем), «долгосрочной ориентации» так тревожит и волнует многих специалистов гуманитарных наук (не только социологов) и рефлексирующих политиков. История свидетельствует, что такого рода тенденции и связанные с ними более радикальные формы отказа от какого-либо жизненного целеполагания, распространение депрессивных расстройств, потери «смысла жизни», рост самоубийств

и случаев «массшутинга» — все это явный **сигнал о возрастающей социально-политической нестабильности** и возможных грядущих потрясениях, один из первых симптомов разного рода бунтов и революций.

Далеко больше не заглядываем... В чем причины?

Если снижение распространенности «долгосрочной ориентации», массовая потеря осмысленного «образа будущего» и отказ от длинных жизненных стратегий — признаки более серьезных изменений в обществе, то естественно задаться вопросом, каковы эти изменения и в чем их причины.

Пожалуй, наиболее часто причиной отказа наших сограждан от «долгосрочной ориентации» называются становящиеся непрерывными **изменения в условиях жизни и высокая скорость таких изменений**. Если социальный и технологический контекст меняется постоянно и быстро («каждый год то реформа, то революция, то пандемия»), теряются основания строить длинные жизненные траектории, полезнее научиться быстро адаптироваться к изменениям контекста и получать максимальный выигрыш на краткосрочных стратегиях, также постоянно меняя их сообразно внешним изменениям. Такой «серфинг по жизни» как единственно правильная стратегия сейчас массово проявляется у молодежи, изначально социализирующейся в «текучей современности» и привыкшей встречать каждый новый год новыми технологическими игрушками.

Мы наблюдаем массовый **переход от преобразующих стратегий к адапционным**. В преобразующей стратегии люди строят свою жизнь, пытаясь воздействовать на внешние обстоятельства с целью их улучшения, планируют свои действия. В адапционной стратегии человек не меняет условия жизни, а приспособливается к ним. Понятно, что во все времена были и есть люди, ставящие перед собой определенные цели и ориентированные на изменения внешнего контекста для достижения этих целей, и люди, предпочитающие скорее изменить себя и свои планы, подстраиваясь под внешние условия. Но важен баланс (распределение) этих типов отношения к жизни среди всего населения, который очевидно различен в разные исторические времена. И если баланс сильно сдвинут в сторону адапционных стратегий, то, наверное, снижается потенциал развития всего общества.

Радикальную смену технологических оснований жизни (интернет, мобильная связь, цифровизация и т. п.) как главный фактор социальных изменений не называет только ленивый. Однако, если мы посмотрим на 60-е годы XX века, то увидим там не менее масштабные и стремительные технологические изменения в жизни советского человека (буквально в быту). Вместе с тем, пожалуй, ни в какое

другое время среди наших граждан не было столь массового и пристального смотрения в самое далекое будущее, подогреваемое как политическими декларациями (Программа строительства коммунизма и т. п.), так и космическим взлетом научной фантастики. Есть предположение, что главным фактором такой «наглой» небоязни будущего (отсутствие «футурошока» и пресловутая «уверенность в завтрашнем дне») и распространения «преобразующих стратегий» были **надежность и стабильность социальных институтов** и почти полное доверие к ним. За последние годы **доверие к основным социальным институтам** (в том числе к системам образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения как главным опорным конструкциям жизненных траекторий) довольно серьезно снизилось. Социальные институты потеряли свою предсказуемость, все чаще и чаще российский человек при взаимодействии с ними сталкивается с обманом и отказом от обязательств (примеры очевидны: пенсионная реформа, фактическая ликвидация бесплатности медицинского обслуживания и высшего образования и т. п.).

Кризис пандемии COVID-19 и возгонка проблематики окружающей среды («зеленая повестка») серьезно подорвали и без того сокращающуюся веру в такой важный социальный институт, как **наука**, то есть в институт, который на протяжении двух веков, пожалуй, в наибольшей степени влиял на формирование образа будущего народонаселения европейской цивилизации (к которой принадлежит и Россия), да и остального мира тоже. С одной стороны, налицо очередная научно-технологическая революция, с другой — потеря веры в способность науки решить многие критические проблемы жизни человека (климат, экология, болезни, голод, энергетические ограничения, неравенство и т. п.). **Мир становится все более сложным и неопределенным**, а наука, доселе помогавшая человеку при каждом таком росте сложности обрести новое понимание этого мира, достичь новой высоты в его постижении, стала еще более элитарной, бросив массы «на произвол судьбы». Массовое образование деградирует (это фиксируется многими объективными показателями), начинается «бегство от сложности», растет запрос на «добровольную простоту» (Д. Элджин), архаизмы и вненаучное знание о мире (мистика, эзотерика, религия).

Ренессанс религиозного и квазирелигиозного сознания привел к отказу многих людей от рационального подхода к своему будущему, в том числе от его планирования. Если все осуществляется по воле Божьей («как Бог даст»), то мы скорее должны не планировать, а внимательно следить за поступающими из Небесной канцелярии сигналами. Человек, безусловно, получает в вере опору для жизни в изменчивом, неопределенном и опасном мире. Вместе с тем субъектность человека с очевидностью снижается, и в результате резко сокращается ориентация на то, что мы выше называли рационализацией и обоснованием образа будущего.

Вообще **взгляд в будущее** современного человека, похоже, в принципе **становится менее рациональным и более эмоциональным, чувственным**, более основанным на инсайтах «здесь и сейчас», чем на анализе и расчете. Это, конечно, тоже следствие усложнения мира, роста числа факторов, параметров и прочих переменных, которые обыденное и необразованное сознание уже не может и не старается «просчитать» (да и не верит, что это вообще возможно), а хочет только «схватить» целиком путем озарения, «просветления» или божественной подсказки по возможности быстро и дешево.

В последние десятилетия бурно развивалась экономика впечатлений, влияние массмедиа стало тотальным, принятие эмоциональных решений о будущем укоренялось и продвигалось как культурная норма, одновременно с этим снижался престиж и статус науки и научного (рационального) знания. Теперь даже «плохие» решения (например, семейный разрыв, аборт, бросание работы с «уходом на улицу», бестолковая эмиграция и т. п.) получают оправдание, если они приняты в состоянии особого эмоционального порыва, «высокого чувства» или мистического откровения. «Рацио» в жизненных стратегиях явно уступает «эмоцио», что очевидно не стимулирует долгосрочные ориентации, напротив, создает риски их срыва и ухода от ответственности за последствия.

На мотивацию к долгосрочному планированию также сильно влияет **баланс двух основных мотивов, побуждающих человека к действиям, — стремление к успеху и избегание неудачи**. Они оба присущи каждому человеку, но их соотношение бывает весьма различным. Если человека систематически запугивать, начинает доминировать мотив избегания неудачи, минимизации рисков. Если воодушевлять его образами и образцами успешных действий, актуализируется мотив стремления к успеху. И в принципе, как предполагается, мотивация человека на успех (особенно профессиональный, карьерный) должна была бы способствовать развитию долгосрочной ориентации и стратегированию.

Но сегодня мы наблюдаем существенную эрозию самого понятия успеха. Раньше преобладало представление об успехе как о результате достаточно длительной деятельности человека, причем деятельности целенаправленной, систематической и продуктивной. Вот человек трудился, преодолевал неудачи и трудности и, в конце концов, закономерно пришел к успеху. Образцы успеха нынешнего времени совсем другого толка — это фортуна, счастливый случай, удача на бирже, в лотерее, наследство бабушки из Австралии, брак с миллионером(–шей), наконец, публикация в СМИ и/или соцсетях, которая набрала много просмотров и лайков. Настоящий успех должен быть быстрым и скорым, если и «с напрягом», то недолгим. Кстати, и сам срок жизни успеха тоже сократился до «здесь и сейчас», успех стал сиюминутным, превратился в пресловутые «10 минут славы».

Человеку говорят: ты можешь получить систематическое образование, долго и нудно трудиться, но это тебе ничего не гарантирует. Массовая культура предъявляет другие образцы успеха. Это снижает мотивацию к длительному напряжению, к построению и реализации стратегий, а значит, и долгосрочному планированию.

Пандемия COVID-19 запустила форсаж мотива, противоположного достижению успеха, главным одобряемым действием стало как раз избегание рисков, избегание неудачи в виде болезни. Человека страхом загоняют в нору, заставляют «самоизолироваться», «сидеть на попе тихо и не вякать». Согласно новому канону, от угрозы надо бежать, прятаться, а не пытаться с ней бороться, сопротивляться, повышать иммунитет, и побеждать недуг, в конце концов.

Судя по данным опросов, в российском обществе в целом произошел управляемый **сдвиг баланса в пользу мотива избегания неудачи и минимизации издержек и рисков**. Теперь людей ориентируют либо на краткосрочный успех, либо вообще на отказ от такого стремления и бегство от угрозы. Оба этих тренда, на мой взгляд, существенно снижают надобность и склонность к долгосрочному планированию жизни.

Роботы и рабы в будущее не смотрят

Перечисленные факторы, очевидно влияющие на снижение в российском обществе уровня долгосрочной ориентации и распространения длинных жизненных стратегий, еще совсем недавно я вместе с многочисленными коллегами назвал бы самыми важными и определяющими. Однако последние два года (безусловно, особые и судьбоносные) заставили пересмотреть рейтинг проблем, связанных с массовым восприятием будущего и распространением долгосрочных жизненных стратегий.

Когда в 2018 году мы с дружественными журналистами запустили инициативное исследование **«Идеальная Россия? Представь!»**, ориентированное на изучение образа будущего, существующего в массовом сознании, мы не предполагали такого количества отказов наших граждан от участия в казалось бы очень простом интервью из трех открытых вопросов. Выяснилось, что для многих респондентов сам вопрос о собственном будущем мучителен. Про страну рассказывали с большей охотой, чем про свое личное видение на три-пять лет. Потому что их (планов) просто не было. И не только потому, что будущее страны и/или региона, в котором они живут, неопределенно (хотя и это есть), а потому, что они не ощущают себя способными свое собственное будущее творить самостоятельно — «от меня ничего не зависит». Невозможность быть субъектом своей жизни и/или вынуж-

денный отказ от субъектности — это трагедия, и о ней не хочется говорить. Но это не личная трагедия отдельных индивидов, это трагическое массовое явление, связанное с **отсутствием второй (после способности к целеполаганию) важной компоненты любой субъектности — ресурсов для реализации целей.**

Разговор о снижении долгосрочной ориентации и отсутствии длинных жизненных стратегий не может вестись без обсуждения проблемы бедности многих наших граждан, ограниченности средств и вообще сжатия ресурсной базы, на которую средний российский человек может опираться при планировании жизнедеятельности. Мы это видим в результатах исследований: горизонт планирования меньше у тех людей, кто располагает меньшими ресурсами (доходами, сбережениями и т. п.). На этом фоне усиливаются и эмоциональные факторы: человек вроде бы может напрячься «вдолгую» и накопить что-то, но он понимает, что это очень тяжело, и скорее предпочтет «погулять на последние».

При всем том, что **проблема бедности и кричащего материального разрыва** небольшой элитной группы со всем остальным обществом (явный анти-стимул к достижению успеха) уже перезрела и сама по себе является бомбой замедленного действия, в стране, конечно, есть слой граждан, обладающих определенными ресурсами развития. Мы могли бы ожидать формирования в этом слое позитивного образа будущего и долгосрочной ориентации, но последние действия государства в рамках борьбы с COVID-19 подрывают и у этих относительно ресурсных граждан основу для формирования длинных жизненных стратегий, так как накладывают ограничения на возможность использования имеющихся ресурсов — ограничения на передвижение, потребление, взаимодействие, кооперацию. Фактически под лозунгом защиты здоровья вводятся радикальные ограничения на свободу воли, то есть на ту самую субъектность.

В таких условиях выстраивание долгосрочных стратегий становится бессмысленным. Что может человек планировать вдолгую, если он и в коротком периоде оказывается сильно ограничен в своих возможностях даже по просто сохранению привычного образа жизни? Регулирование жизни человека становится всеобъемлющим и жестким. Неслучайно в общественном дискурсе появились выражения «кибергулаг», «цифровой концлагерь», «цифровые овцы» и т. п. А каким может быть долгосрочное планирование у овцы, у раба, у крепостного?

Полагаю, что **рост горизонта планирования прямо связан с ростом свобод**, уменьшением свобод мы ограничиваем возможности человека, у него исчезает потребность в планировании жизни, поскольку он становится зависим от более мощных субъектов, которые планируют за него. В таких обстоятельствах самой эффективной оказывается стратегия адаптации, приспособления к требованиям этих субъектов (государству, феодалу, руководителю корпорации, работодателю

и т. д.) и периодического обращения к ним со своими нуждами и проблемами. В этих условиях человек все больше и больше становится человеком-функцией, его жизнь сводится к повторению ограниченного набора процедур, а это прямо противоположно развитию, для которого только и необходимо планирование. Для выполнения рутинных функций планирование не нужно совсем.

Немецкий социолог Кристиан Вельцель, ученик и последователь Рональда Инглхарта, в книге «Рождение свободы» всю историю человечества рассмотрел фактически как историю последовательного освобождения человека от разного рода зависимостей и несвобод. Причем сначала человек освобождается от физической и материальной несвободы, и только потом возникает запрос на свободу идей, слова, политического выбора и т. п. Э. Понарин так сформулировал вывод Р. Инглхарта про формирование и распространение в мире постматериалистических ценностей. *«Когда у человека удовлетворены базовые экономические потребности и потребность в безопасности, только тогда его начинают интересовать и другие вещи... Когда каким-то сегментам общества или всему обществу в целом гарантируются выживание, экономическое благополучие и безопасность, люди начинают задумываться о более высоких вещах, о свободе и о других ценностях»*². Для того чтобы человек задумался о высоком (самореализация, «открытие мира», «ответственность за будущее планеты»), а именно это во многом предопределяет горизонт планирования, он должен в необходимой степени освободиться от бремени думать о насущном (должен «взлететь»).

Понятно, что те, кто более озабочен безопасностью и выживанием, могут обратиться к государству с просьбой об обеспечении этой безопасности и защите, одновременно будучи готовыми пожертвовать свободой. И у государства в этом случае будет выбор: поступить как Великий Инквизитор из «Братьев Карамазовых» или все-таки задуматься о развитии, невозможном без свободы. При внимательном наблюдении за разворачиванием пандемии страха, сопровождающей борьбу с коронавирусом, создается впечатление, что нарочитое нагнетание угрозы и тревоги происходит по всем канонам психологии и Великого Инквизитора, когда довольно большая часть общества вопиет *«Лучше поработите нас, но накормите нас»*³. Неужели государство довольно грубовато возвращает многих людей к «традиционным» материалистическим ценностям, чтобы, не дай Бог, не подумали лишний раз о свободах и правах?

² Россия Европейская. Почему в Европе растет запрос на популизм, а в России — на национальную идеологию? // Европейский диалог. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/09/14/rossiya-evropejskaya-pochemu-v-evrope-rastet-zapros-na-populizm-a-v-rossii-na-natsionalnuyu-ideologiyu/>

³ Достоевский Ф. Д. Братья Карамазовы. Книга пятая. Глава V. «Великий инквизитор».

В жизни современного человека (не только в России, но и во многих других странах мира) вновь становится все меньше свободы самореализации и все больше обязывающей рутины, человек последовательно превращается в **человека-робота**, «долгосрочное планирование» (хочется сказать, программирование) за которого осуществляют другие субъекты. И люди в массе своей с этим порядком вещей соглашаются.

Многие коллеги, как и я несколько лет назад, отмечают сейчас, что главный фактор ограничения горизонта планирования — это неопределенность ситуации и положения в ней. Но избыточно жесткая определенность так же убивает горизонт планирования, как и неопределенность. Здесь крайности сходятся. Неопределенность в долгосрочном контексте накладывается на жесткую определенность в краткосрочных промежутках, и само планирование жизни оказывается бессмысленным — за тебя уже все спланировали. Человек, теряя субъектность, теряет необходимость в долгосрочном планировании, а с ней и социально-политическую устойчивость, он сам становится бомбой, способной взорваться. Про потерянный потенциал развития уже и не говорю.

Таким образом, подытожу, долгосрочная ориентация жизни индивида, являющаяся важным фактором устойчивого развития всего общества, появляется только при наличии хотя бы двух основных компонент субъектности — способности к рациональному (разумному) целеполаганию и обладания ресурсами (или хотя бы гипотетической возможности их появления) для достижения поставленных целей. Причем необходимы как сами ресурсы (физические, материальные, интеллектуальные, информационные, социальные и т. п.), так и возможность их использования по своему усмотрению, то есть определенная степень свободы воли. Конечно, важны и культурные образцы целей, каноны успеха, связанного с длительным продуктивным трудом, определенными усилиями и преодолением («подъемом на гору», «взятием высоты»). Такой успех общество увидит и признает как заслуженный, в отличие от успеха, пришедшего «в формате» счастливого случая и удачного стечения обстоятельств.

Если мы стремимся к устойчивому развитию, то это требует систематических усилий по созданию условий для обретения и сохранения субъектности, продвижению ценности заслуженного успеха, социальной значимости преобразующих жизненных стратегий.